

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-61-238-251>

УДК 821.161.1.0+82

ББК 83

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2021 г. О. Г. Лазареску
г. Москва, Россия

**«ЕРМАК ВЗЯЛ СИБИРЬ»:
О ЖАНРОВОЙ ПОЛИПОТЕНТНОСТИ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА В АСПЕКТЕ ПОЭТИКИ ЗАГЛАВИЯ**

Аннотация: В русской литературе и фольклоре образ Ермака Тимофеевича оказался в высшей степени отзывчивым по отношению ко всем литературным родам и многим литературным жанрам. Настоящий всплеск интереса к нему в новой русской литературе был связан, прежде всего, с выходом IX тома «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, под пером которого жанр исторического повествования стал своеобразным «благословением» последующей полипотентности этого образа. Соединяя в себе две равновеликие силы — стремление к объективности в изложении исторических событий и потребность в создании многомерного художественного образа, жанр исторического повествования пробудил активность различных родо-видовых начал в воспроизведении образа исторического деятеля, что определило широкий спектр его различных воплощений. Жанровая полипотентность образа Ермака обусловлена его специфическими признаками — как образа, заключающего в себе миростроительное и законодательное начала, сближающие его с «культурным героем», открывающим миру новые возможности и утверждающим эти возможности как неотъемлемые для дальнейшего существования. «Взятие» Ермаком Сибири становится прототипом для его различных жанровых воплощений. В наиболее концентрированном виде полипотентность данного образа проявила себя в поэтике заглавий произведений о Ермаке.

Ключевые слова: полипотентность, художественный образ, заглавие, жанр, историческое повествование, историческая песня, трагедия, дума, сонет, поэма, сказ, роман.

Информация об авторе: Ольга Георгиевна Лазареску — доктор филологических наук, доцент, Московский педагогический государственный университет, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1, 119991 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5178-4456>. E-mail: lazarescu@inbox.ru

Дата поступления статьи: 27.04.2020

Дата публикации: 28.09.2021

Для цитирования: Лазареску О. Г. «Ермак взял Сибирь»: о жанровой полипотентности художественного образа в аспекте поэтики заглавия // Вестник славянских культур. 2021. Т. 61. С. 238–251. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-61-238-251>

Судьба и деяния Ермака Тимофеевича и его сибирской дружины стали предметом изучения как для историков, стремящихся к непредвзятому, объективному взгляду на факты, так и для художников, стремящихся представить тот же исторический факт в многомерном воспроизведении. Не только как «голый» факт, но и как то, что осталось не увиденным, не понятым, не реализованным до конца. Современный историк констатирует факты, связанные с походом Ермака: «В **сентябре 1581 г.** по указанию **Москвы** несколько сот казаков под водительством атамана **Ермака** вышли в поход против сибирского хана **Кучума**, подданные которого постоянно грабили и разоряли восточные рубежи Русского государства. В **октябре 1581 г. Ермак** разбил основные силы сибирских татар у **Тобола** и **Ишима** и торжественно вступил в столицу Сибирского ханства город **Кашлык**. Затем, в **1582–1583 гг.**, отряды **Ермака** взяли под контроль все северное течение **Иртыша**, а после вышли к **Оби** и захватили столицу остяков — город **Назым**. В **марте 1583 г.** на помощь **Ермаку** прибыло стрелецкое войско во главе с князем **С. Д. Болховским**, однако вскоре в **Кашлыке** начались цинга и голод, которые отправили на тот свет добрую половину русского войска и казаков. В этой ситуации **Ермак** не рискнул покидать **Кашлык** и в течение нескольких месяцев держал его оборону от татар. В **июне 1584 г.** казаки совершили удачную вылазку и наголову разгромили осаждавших их кучумовцев, а затем **Ермак** с небольшим отрядом казаков и стрельцов вышел на поиски купеческого каравана, но не нашел его, и на обратном пути в **августе 1584 г.** татары напали на спящих ратников и перебили их. Сам **Ермак**, спасаясь от верной гибели, попытался переплыть **Иртыш**, но под тяжестью собственных доспехов утонул в могучей реке» [15, с. 299].

В IX томе «Истории Государства Российского» (1821) Н. М. Карамзин также отмечал, что в изложении истории он опирался на «достовернейшие» источники — «летописи», «грамоты» и т. п. [8, с. 379–380, 401]. Тем не менее писатель «романизирует» облик атамана и его дружины, наделяя казаков теми качествами, которые не являются облигатными для жанра *исторического повествования*, а именно желанием восстановить свою порушенную прежними разбоями честь, муками совести за прежние убийства. Карамзин включает в описание похода внутреннюю мотивацию участников событий. Сравним ее со свободным от внутренней мотивации изложением истории, приведенным в начале статьи: у Карамзина казаки, желая «заслужить милость Государеву», приняли «*обет доблести и целомудрия*» и 1 сентября 1581 г. отправились «к горам Уральским, на подвиг славы» [8, с. 376–378].

Слезы умиления на их лицах после предложения Строгановых послужить России в деле завоевания Сибири — свидетельство глубоких внутренних «бурь» в душах разбойников. Но путь преображения казаков «прописан» Карамзиным средствами, которые, скорее, отдаляют от реальной истории. Сам писатель называет их «баснями» [8, с. 379], в которые погружается тот или иной факт и которые очерчивают нравственные основания истории. Это, в первую очередь, *предания* о чудесных, труднообъяснимых победах казаков, малыми силами одолевающих орды Кучума, о гибели атамана, бросившегося спасать своих воинов, о посмертных чудесах на его могиле, которые подводят читателя к пониманию того, что не «прописано» в истории как таковой, — а именно искупление вины и восстановление чести Ермака и его дружины преданным служением России. У Карамзина внешние обстоятельства трудного похода соединяются с внутренними устремлениями казаков, определяя специфические черты жанра исторического повествования [10; 11].

Но история о Ермаковом походе включена в состав «Истории государства Российского» и подчинена представлениям писателя об общих, универсальных законах бытия, соединяющих в себе внешне неодолимые силы и внутренние устремления действующих лиц. Она объединена с другими историями под общим заглавием, не отдающим предпочтения тому или иному началу, источнику истории, предельно объективным, объединяющим весь имеющийся исторический материал. Общее заглавие здесь может выступать как усматриваемая Карамзиным способность исторического деятеля или события к выбору различных вариантов реализации своего потенциала, как прототип для его различных воплощений, как спектр возможностей [1, с. 270, 279] для данного лица или события, что определяет его **полипотентность**. В отличие от **полифункциональности**, которая связана с раз и навсегда установившейся ролью, устойчивыми качествами и свойствами «какого-либо объекта в данной системе отношений» [9, с. 629]. При таком подходе было бы неверным говорить, что образ Ермака в русской литературе функционирует как нечто сложившееся, утвердившееся. При наличии устойчивых признаков образа Ермака каждое его воплощение представляет иного, «нового» Ермака. Герой предстает не как сложившийся и функционирующий в различных жанрах образ, а в своем развитии. Каждое новое жанровое воплощение воспроизводит один из вариантов, «сценариев» реализации его жизненного пути. Но все эти пути сходятся в одной точке — «Ермак взял Сибирь». Феномен Ермака можно сравнить с феноменом «культурного героя», открывшего миру новые возможности, своей жизнью оплатившего эти возможности и сделавшего это новое неотъемлемой частью существования [12, с. 25–28]. За невероятной новостью «взятия» Сибири стоит путь от разбойничьей вольницы и желания порвать с нею до лика неканонизированного святого, спасшего Россию в сложный исторический момент. Миф о Ермаке, как и миф о культурном герое, располагается не только в области словесной — как передаваемые из уст в уста рассказы о нем, он воплощен в реальной жизни, в судьбах множества людей, в истории самой страны [2, с. 329–349].

Так, *историческая песня* «Ермак взял Сибирь» из сборника Кириши Данилова [4] дает наиболее общий, очищенный от детализации внутреннего состояния, мотивации поведения, действия надличностных сил и т. п. образ Ермака и его казаков. Сюжет песни фиксирует переломные, судьбоносные моменты жизни атамана и его товарищей — решение порвать с «воровским» прошлым, героические деяния и героическая смерть Ермака и его сподвижников, что, впрочем, не исключает наличия вымышленных эпизодов в этой истории (как, например, встреча Ермака и царя Ивана Грозного, снявшего вину с атамана и его дружины после «взятия» Сибири), которые в фольклорном произведении выполняют функцию усиления достоверности самой реальной истории [11]. Жанр исторической песни нацелен на воспроизведение событий в максимально широком — эпическом — масштабе, за которым сокрыты душевные бури, сомнения, терзания, муки совести за прошлые грабежи и убийства, но который формирует устойчивый ряд качеств, ассоциированных с тем или иным героем/героями. В истории Ермаковой дружины это, прежде всего, желание пожертвовать своими жизнями ради новой реальности. Миростроительное стремление закреплено в заглавии песни и представлено, прежде всего, топонимом «Сибирь» наравне с именем Ермака. Заглавие расставляет акценты, предусмотренные идейной задачей данного жанра, — воспеть тех, кто Сибирь «взял», — бывших разбойников, оправдать их как не пожалевших своих жизней ради России, снявших с себя бесчестие заслугами перед государством. Решение послужить России приходит резко, казаки как бы отказываются от всей прежней жизни,

готовя себя к неисчислимым страданиям. Эта изначальная готовность к испытаниям перекликается с констатирующей модальностью заглавия — «Ермак взял Сибирь».

Вышедшая в 1825 г. трагедия А. С. Хомякова «Ермак» фокусирует внимание не только и не столько на внешних обстоятельствах сибирской истории Ермака, сколько на ее внутренних основаниях, определяемых приверженностью главного героя нравственным законам. Здесь на осознание Ермаком неотвратимости наказания за прежние преступления и готовности понести это наказание, искупить свою вину накладывается предательство друзей, соблазняющих атамана самому быть царем в Сибири. В трагедии Ермак гибнет, отказавшись предавать Россию. У Хомякова судьба героя зависит от его личного выбора, что во многом определяет поэтику заглавия, представленного именем героя. Личный выбор как главное основание истории, ее источник экстраполируется на сюжетно-композиционный план, который включает в себя лирические вставки в виде песен, придающих трагической коллизии обостренно-лирический характер. Само расположение песен воспроизводит вариативность судьбы казака, отправившегося в поход. В песне казаков в действии втором, явлении четвертом это «путь счастливый», это стихия свободы, когда «сладко <...> после брани / Будет пениться» вино [16, с. 448]. И судьба казака, который предчувствует свою близкую гибель — в песне Молодого казака в действии пятом, явлении пятом: «Как светло и как весело солнце восходит / На широких придонских полях! / Но светлей, веселее над хладным кладбищем, / На белых, безмолвных гробах» [16, с. 528]. В обеих песнях — в начале и финале трагедии — преломляется судьба Ермака, бросившегося в эту стихию свободы, но осознающего непреложность закона воздаяния за нравственные преступления и готового принять этот закон. Лирическая тема усиливается молвой о том, что Ольга, возлюбленная Ермака, бросилась в пучину вод, не перенеся известий о его преступлениях: «Но он преступник, он убийца, / О нем и плакать мне нельзя. / Ах, растворишь, моя гробница, / Откройся, тихая земля!» [16, с. 440]. Молва о гибели Ольги в пучинах вод (действие второе явление первое) перспективирует финал всей трагедии — Ермак бросается в Иртыш.

Лирическое начало в трагедии Хомякова создает условия для реализации жизненного «сценария», определяемого личным нравственным выбором и осознанием личной ответственности человека. Результатом этого личного выбора в трагедии Хомякова становится новая реальность — «Сибири боле нет: отныне здесь Россия!» [16, с. 533].

Особый корпус произведений о Ермаке составляют лирические и лиро-эпические произведения. Так, заглавия *думы* К. Ф. Рыльева (1821) и *сонета* П. П. Ершова (начало 1830-х гг.) совпадают — «Смерть Ермака». Оба произведения сконцентрированы на моменте героической кончины атамана казаков. И там и там гибель героя есть результат действия надличностных сил, а кучумовцы — лишь орудие их действия. В думе это «роковой удел», который «сидел с героем рядом / И с сожалением глядел / На жертву любопытным взглядом» [13, с. 164–166]. В сонете — «злая кручина на сердце», «ужас невольный», оковавший «дух бодрый вождя» [5, с. 81]. И в том и в другом случае действие этих сил противопоставлено спокойной уверенности казаков и их атамана в праведности своего дела. Они уже смыли кровью «все преступленья буйной жизни» и заслужили «благословение отчизны». «Объятый думой» Ермак у Рыльева охраняет «беспечный» сон своих товарищей накануне битвы с кучумовцами:

«О, спите, спите, — мнил герой, —
Друзья, под бурю ревущей;

С рассветом глас раздастся мой,
 На славу иль на смерть зовущий!» <...>
 С вождем покой в объятьях сна
 Дружина храбрая вкушала [13].

В сонете Ершова «бестрепетный вождь», «опершись на саблю», взирает на своих казаков, дремлющих на высоком берегу Иртыша.

Но если в думе события эпически развернуты благодаря чередованию монологов самого Ермака и эпического автора, предлагающего мотивацию поступков врагов атамана — «Страшась вступить с героем в бой, / Кучум, к шатрам, как тать презренный, / Прокрался тайною тропой, / Татар толпами окруженный. / Мечи сверкнули в их руках, — / И окровавилась долина. / И пала грозная в боях, / Не обнажив мечей, дружина...» [13], то в сонете смерть Ермака предстает как мгновение, сопоставимое со сверканием молнии: «Вдруг дикие крики... Казацкая кровь заструилась... / Булат Ермака засверкал — толпа расступилась — / И кто-то с утеса в кипевшие волны упал» [5].

И в думе, и в сонете эстетический эффект определяется концентрацией внимания не только на самой героической кончине Ермака и его дружины, но и на встроенности этого события в контекст, не предполагающий никаких посредников между человеком и миром — контекст природный, представляющий собой сцену, на которой разыгрывается универсальная драма бытия: «Тяжелые тучи сибирское небо одели; / Порывистый ветер меж сосен угрюмых шумел; / Венчаные пеной, иртышские волны кипели; / Дождь лился рекою, и гром полуночный гремел» [5].

В думе этот контекст усиливается троекратным рефреном с варьированием стихов к финалу думы: «Ревела буря, дождь шумел, / Во мраке молнии летали, / Беспеременно гром гремел, / И ветры в дебрях бушевали» [13]. Использование лексического ряда — «кипящий» Иртыш, «полуночный гром», «летающие» молнии и т. д. — активизирует эсхатологические ассоциации, выводящие смерть Ермака из частной судьбы в общемировую.

В думе Рылеева и в сонете Ершова жизненный «сценарий» Ермака детерминирован силами, создавшими непреодолимые препятствия для него и его дружины. Если в трагедии Хомякова смерть — это шаг к решению терзающих Ермака нравственных вопросов, а предательство друзей — лишь способ разрешить эти терзания, то у Рылеева и Ершова смерть — точка предельного напряжения сил в борьбе со слепым, стихийным началом:

Иртыш волнуется сильнее —
 Ермак все силы напрягает,
 И мощною рукой своей
 Валы седые рассекает...

Плывет... уж близко челнока —
 Но сила року уступила,
 И, закипев страшной, река
 Героя с шумом поглотила [13].

В думе и сонете борьба героя выведена из плоскости борьбы с врагами — сильными, коварными, но которых дружина казаков не единожды разбивала. В думе

из десяти восьмистишных строф собственно кучумовцам посвящена единственная строфа (седьмая). А в сонете они представлены опосредованно — через «дикие крики», вид заструившейся крови. Но и там и там Ермак борется за свое дело с силами, способными «поглотить» все. Заглавие и в том и в другом случае фиксирует момент, когда герой остается один на один с силами из другой «весовой категории». Однако результат этой неравной борьбы — миростроительный, преодолевающий смерть. В сонете он «свернут» в деталях поведения казаков — их спокойствию. В думе он эпически развернут и представлен монологом Ермака: «Нам смерть не может быть страшна; / Свое мы дело совершили: / Сибирь царю покорена, / И мы — не праздно в мире жили!» [13].

Поэма «Сузге. Сибирское предание» (1837) П. П. Ершова — обратное, зеркальное воспроизведение героической кончины не желающего предаваться победившему врагу героя, в данном случае одной из жен Кучума — царицы Сузге. И хотя у казаков нет злых мыслей, и они не собираются «обижать» [5, с. 49–79] царицу, Сузге, после бегства супруга из столицы сибирского ханства Искера и пленения казаками ее брата Махмет-Кула, принимает решение не отдаваться врагу живой: «В лице нет жизни; / Щеки бледностью покрыты, / Льется кровь из-под одежды, / И в глазах полузакрытых / Померкает божий свет».

Сузге в поэме составляет смысловую пару Ермаку как «несчастливица-царица», до последней минуты возглавлявшая осаду Сузгуна, счастливому, удачливому атаману казаков. Стоя на бойнице и провожая взглядом освобожденных из-под осады защитников крепости, она желает им «счастливого пути», отрезанного для нее самой условиями, которые поставили казаки. Жизненный «сценарий» Ермака в поэме направляется тем, что сама дружина называет «милосердием господним» и «казачьей нашей силой». Казаки уверены, что победу им дает Бог, потому им грешно и стыдно было бы обижать царицу. Махметов воин усматривает в своем поражении ту же силу: «Бог совсем татар оставил!» Божья воля отмечена общими для Ермака и Сузге чертами — глубокой задумчивостью, молчаливостью, отрешенностью от внешней обстановки: «Неподвижна и безмолвна / Все сидит Сузге-царица», ею овладела «дума черная», она тяжело вздыхает. Ермак «среди веселья крепко / Думу думает свою», «Редко к чаре он коснется». Для обоих честь является главным критерием в оценке жизни. Сузге собирает в осажденной крепости ее защитников, чтобы «честь и царство поддержать», она не мыслит себя «рабой», «русских пленницей». Для Ермака «лучше честно <...> погибнуть, / Чем позорною кончиной / На постыдной сгибнуть плахе / И проклятье заслужить».

Вынесенное в заглавие поэмы имя сибирской царицы, не уступающей по силе духа и представлениям о чести атаману казаков, усиливает, по контрастному принципу, миростроительное устремление Ермака и его дружины, ибо у их противников та же, что и у них, цель — завоевать Сибирь.

Нет, товарищи! — сказал он, —
 Рано нам еще на отдых;
 Наше дело зачатое
 Довершить сперва надлежит:
 Мы Искер один лишь взяли —
 Остается взять Сибирь.

Сузге — Махмет-кулу после бегства Кучума:

Царь бежал: будь ты царь
нынче,
Вороти свое владенье,
Завоюй себе Сибирь!

Вынесенный в заглавие жанровый акцент «Сибирское предание» раздвигает возможности поэтической интерпретации события благодаря голосу рассказчика. Он знает больше, чем знает Сузге: он знает, что казаки — люди чести, и они не могут презирать «благость бога», дающего им победу («Мы казаки, а не звери»). Рассказчику ведомо, что в Москве ее почестят «не рабою, но царицей». Но это неведомо и немислимо для самой Сузге, предпочитающей смерть поражению.

«Сказ о Ермаковом походе» (начало 1920-х гг.) Г. А. Вяткина — попытка представить исторический материал глазами множества участников событий, начиная с самих казаков — «вольных удалцов» [3, с. 89], царя Грозного, Строгановых и т. д., заканчивая кучумовцами, стремящимися просчитать ходы и возможности казаков, использующими различные хитрости, которые помогут им победить. Сказ «соткан из массовых сцен, в которые вводится анонимное многоголосие казачьей массы» [3, б. с.], голоса врагов, голоса тех, кто не прочь поживиться заслугами Ермаковой дружины — московских купцов, попов, бояр да и самого царя, которому Иван Кольцо привез известие о взятии Сибири: «Гляди, Ивашка, мне в лицо! / Хе-хе...порой и смерд и вор / Царю, вишь, пригодится» [3, с. 99]. Здесь и голос самого Кучума, завидующего русским: «Ой, откуда у русских / страшный гром и огонь? / Ой, шаманы у русских, / знать, хитрее шайтана!» [3, с. 67]; сравнивающего русских с «собакой»: «Подавиться бы костью русской собаке! / Обломать бы клыки паршивому псу!» [3, с. 71]; выстраивающего свою коварную тактику:

Прожорливы московские собаки.
Давай лисиц, бобров им, соболей.
Пудовых рыб, рогов оленя, жирных
Баранов ... Да и девок на придачу...
Беда пришла.
Но лучше псам голодным
Подачку дать обильную, швырнуть
Кусочек лакомый, чем видеть злую
Оскаленную лающую пасть [3, с. 79].

И противоположный голос из Ермакова стана:

Как не хлебнуть
хмельного меду, браги,
Когда трещат от ясака амбары,
А татарва смиренна, как ковыль... [3, с. 83].

После решительного отказа разбойничать, чтобы не иметь нелестной репутации у народа, свой жизненный «сценарий» казаки и их атаман определяют как «суровый жребий», как то, что «написано на роду»:

Иль пасть костьюми
 в снегах чужбины дальней, /
 Или бездумно силушку напрячь./
 И по снегам,
 сквозь тучи вражьих стрел, /
 Лавиной бурной —
 с грохотом и дымом —
 Упасть на городок Кучума... [3, с. 51, 63].

Принятие своего жребия, бесповоротность, отсутствие сомнений — «бездумность» — обнаруживают себя не только в прямой речи участников событий, но и в плане рассказчика, который передает происходящее с помощью характерных цвето-звуковых и предметных деталей. Казаки как бы сжигают все мосты за собой и встают на путь «нехоженный» [3, с. 21]. Сама природа (небо, солнце, ветер), времена года («сентябрь отцвел огнем багряным», «вспыхнул май» [3, с. 31, 35]), кони, пушки, ядра, пистолы, печи, татарские сабли и ножи («как огонь» [3, с. 107]) — все окрашивается огненной цветовой гаммой, знаменующей начало великого дела. Даже снежные поля Сибири обретают розовый оттенок. Перевал казаков за Урал сопровождается «тяжким стуком и громом», «тяжкой трясовицей» [3, с. 33, 46] стругов, которые они тянут на себе.

Судьбоносность похода, рождение новой реальности воспроизводится в деталях внешности и поведения казаков и в особенности их атамана. Своими движениями, чертами лица они напоминают птиц, устремленных к своей цели. Их струги — «невиданные птицы», отправившиеся «вверх по Чусовой» [3, с. 35]. У Ермака, принявшего решение о походе, «крыльями орлиными в разлете / Ходят брови. Думы, будто волны / В Иртыше...» [3, с. 41]. Сами казаки, занесенные в походе пургой, напоминают замерзших птиц:

Эх вы, милые кудри-кудеришки,
 Очи ясные — лен голубой,
 Хороши лебединые перышки,
 Да зима нас заносит пургой <...>
 Пропадайте вы, кудри-кудеришки... [3, с. 49, 53].

При этом поэма несет на себе стилистические признаки эпохи, воспроизводит реалии первых послереволюционных лет: «Поэма Георгия Вяткина “Сказ о Ермаковом походе” — замечательное произведение советской поэзии 20-х годов. Она была написана к юбилею Октября, когда советская литература в свете опыта первого послереволюционного десятилетия осмысливала исторические истоки великой победы» [3, б. с.]. Вынесенный в заглавие жанровый акцент согласуется со стилем свободного от книжных традиций языка повествования, воспроизводящего дух революционной эпохи, неприязни казаков к царской власти, тоски по воле, что отражено в лексических предпочтениях рассказчика: «Даль дымится кровавым туманом, / Утром зори — красней кумача. / — Эх ты, Русь, с государем Иваном / Нешто дьявол тебя повенчал! / Их не мало царило над нами, / А еще не сидел такой. <...> Крепнет в бочках пенная брага — / Копит черную боль народ. / Ну, того и гляди, — / босая ватага / По Кремлю с батогами пройдет» [3, с. 7, 9]. Характерно и обращение к казакам — «Товарищи!».

Несмотря на выраженную эпохальную окрашенность — в стилистике, социально-политических тезисах, — поэма несет в себе миростроительную идею примирения царя и его подданных, которые надеются на то, что «царь в радости и милости великой / Протянет руку смердам и холопам...» и что «тыщи верст», которые они преодолели, «прошлепаны недаром» [3, с. 83, 33].

Свой вклад в художественное освоение важного исторического материала внес П. П. Свиньин в *историческом романе* «Ермак, или Покорение Сибири» (1834). Как романист, главной своей задачей Свиньин видел необходимость передать историю в «живых картинах» — через «великие характеры» [14, с. 270], которые под его пером оживают в реалиях, сопровождающих всякий дальний и опасный поход. Отсюда обилие в романе водной стихии, создающей смертельную опасность для казаков, погодных препятствий, астрономических явлений, знаковых предметов, которые сопровождают все значимые для сибирского похода события. Так, начало похода Ермака знаменуется парившим над дружиной орлом, в которого незаметно для казаков была пущена стрела. Другим предзнаменованием грозных событий стала комета, которую видели над Москвой после поражения в Ливонской войне.

Для романиста жизненный «сценарий» Ермака и его дружины определяется совокупностью объективных внешних обстоятельств, которым противостоит небольшая группа людей. Сюжет романа построен как цепь эпизодов преодоления человеком внешне непреодолимого — страшных бурь, опасных порожистых рек, боли от многочасового стояния по пояс в холодной воде при переходе через реки, голода и цинги, неодолимой силы сна и потребности отдыха и других испытаний. Но сама гибельность внешних условий в романе оборачивается созданием новой реальности: невозможность двигаться дальше из-за погодных препятствий оборачивалась постройкой капитальных форпостов, хорошо укрепленных и готовых для дальнейшего использования. Необходимость преодоления холодных сибирских рек обернулась созданием ладей, стругов и плотов, решавших военные и хозяйственные задачи.

Само заглавие исторического романа — двучастное, с одной стороны, акцентирует внимание на непосильных для человека внешних препятствиях, с другой стороны, персонализирует историю, раскрывает ее через преодоление Ермаком и его дружиной трудностей и опасностей сибирского похода. Здесь «покорение» Сибири предстает не как покорение народов Сибири, а как преодоление объективно непреодолимого для человека — слепых, беспощадных сил природы, пространств, сравнимых с пространством целых европейских стран.

Несмотря на то что при жизни Свиньина этот роман не пользовался у читателей большой популярностью, сама попытка оживить картину великого исторического события через картины бедствий и испытаний показывала направление художественного изучения материала, возможности жанра романа в раскрытии потенциала исторического лица и связанных с ним событий, коренным образом изменивших реальность.

Новый подход в раскрытии потенциала исторического лица и связанных с ним событий предлагает А. В. Иванов в романе «Тобол. Много званых», «Тобол. Мало избранных» (2017–2018). Здесь важна видовая специфика романа — *роман-неплум*, который, отталкиваясь от исторического факта, создает картины, открывающие возможности для максимально широкой интерпретации исторического материала. В романе А. В. Иванова поход Ермака представлен глазами людей, творящих историю через сто с лишним лет после этого события — в эпоху Петра I. Ретроспектива позволяет соотне-

сти события, отстоящие друг от друга по времени в столетие, и найти связующую нить в большой истории страны. Связующая нить представлена персонажами, судьба которых имеет в той или иной степени отношение к судьбе Ермака. Их жизненный «сценарий» определяется не столько иррациональной предопределенностью, или внешними обстоятельствами, или внутренними сомнениями, сколько предшествующими событиями, в которых герои романа Иванова видят источник собственной судьбы, нравственный и духовный ориентир. То есть источником истории становится сама история, критерием в оценке собственной жизни является судьба предшественника.

В наибольшей степени такой подход к истории проявил себя в судьбе Семена Ульяновича Ремезова, образ которого имеет реально-историческую основу, а его романная биография во многом «завязана» на судьбе Ермака и его дружины. Миростроительный потенциал самого Ремезова связан с тем, сможет ли он добиться от духовных властей канонизации Ермака как святого, восстановив тем самым историческую «правду», ведь, по убеждению Семена Ульяновича, «Ермак Сибирь для Христа открыл» [6, с. 383]. История Ермака оживает в усилиях Ремезова, она перестает быть историей о прошлом, становится историей о настоящем и будущем. И хотя Ремезову не удастся убедить владыку Иоанна в справедливости канонизации Ермака, он уверен, что это дело будущего. Свое же «радение» о том, чтобы эта «правда» восторжествовала, он осуществил в форме собирания «Истории Сибирской», которая в романе создается и как история о Ермаковом походе, и как факт биографии самого Ремезова, отдавшего свою жизнь ради торжества «правды» о подвиге Ермака. История о подвиге взятия Сибири становится историей о подвижническом труде собирателя сибирской истории, а судьба Ермака — нравственным и духовным ориентиром «летописца» Ремезова.

Ярче всего миростроительный потенциал Ремезова и других героев раскрывается через художественную деталь, имеющую прямое отношение к Ермаку, — кольчугу, по преданию переданную Ермаку Иваном Грозным в знак признания его заслуг перед Россией. Писатели и ранее использовали эту деталь в качестве непосредственной причины гибели Ермака. У Рылеева: «Тяжелый панцирь — дар царя / Стал гибели его виною» [13, с. 166]. У Вяткина: «Железный панцирь глыбой лег на плечи — / Тяжелый дар тяжелого царя»:

Огромный и страшный,
 весь в тине густой,
 Лежал он под пеною белой.
 И царский подарок могильной плитой
 Давил богатырское тело [3, с. 111, 115, 117].

Романная интерпретация наделяет кольчугу особыми свойствами, которые будто бы продляют жизнь Ермака, дают ему возможность влиять на судьбы людей, живущих через столетие после него, прорасти корнями в историю, а не просто быть устным рассказом о прошлом. Через кольчугу в романе Иванова проверяется нравственная состоятельность человека, его способность созидать новую реальность. Можно говорить об особой смысловой и сюжетообразующей роли этой художественной детали в романе. За «Ермаковой железной рубахой» [7, с. 152] гонятся многие персонажи. Для одних она — чудодейственный, «волшебный» [7, с. 410] предмет, который поможет достичь заветных целей. Для других — способ физического спасения. А для иных — путь истинного спасения.

Так, Нахрач Евплов его свою состоятельность как шамана связывает с тем, чтобы кольчуга Ермака была надета на языческого идола Полтыш-болвана как знак силы его «родовых богов» [7, с. 518–519]. Для кучумовцев она — залог военных побед [7, с. 601]. За кольчугу хотят добыть из плена Ваню, отправившегося на государеву службу. Остячка Айкони готова отдать кольчугу, снятую с идола, за свою свободу [7, с. 617]. С кольчугой связана трагическая гибель бившегося за свою любовь к Айкони Григория Ильича Новицкого: «А Григорий Ильич еще бился, однако на его плечах висела кольчуга — проклятая кольчуга, которая когда-то уже утянула Ермака в пучину. Измученный и больной, окованный тяжестью железа, Новицкий уже никак не мог вытолкнуть себя наверх. Он медленно опустился в глубину...» [7, с. 716].

Символом истинного спасения кольчуга становится для покрестившегося вогульского князя Пантилы, убежденного в том, что истинная вера должна быть воплощена в поступках: «Пантилу терзала мысль, что бездейственная вера мертва», потому он «решил посвятить себя исполнению обещания — решил добыть кольчугу Ермака, чтобы подарить ее русскому царю» [7, с. 518]. Для Семена Ульяновича обретение кольчуги Ермака — еще один шаг на пути восстановления «правды»: «Семен Ульяныч сделал вклад в церковь — подарок от всех Ремезовых: в притворе на дощатой распялке висела кольчуга Ермака. Владыка дозволил поместить кольчугу в храм» [7, с. 736]. Эта «правда» формулируется Ремезовым не абстрактно, а через человеческие ощущения: «...дело-то не в чуде. Кольчуга тепло Ермака хранит. Кто наденет ее — тот словно духом Ермака облекается и сам свою доблесть в себе возжигает. Чудо человек творит, а не кольчуга. Кольчуга — железо, икона — доска, а торжествует божий дух» [7, с. 152].

Кольчуга дает реальное ощущение истории как связи времен и владыке Филофею: «После службы, когда церковь опустела, владыка Филофей подошел к кольчуге и осторожно коснулся ее ржавого рукава, словно хотел услышать в своей душе какой-то далекий ответный звон» [7, с. 736].

Заглавие романа Иванова отсылает к тексту Священного писания — Мф. 22: 1–14 и Лк. 14: 16–24, представляющего притчу о брачном пире, в которой Христос призывает к вкушению благ духовного свойства, которые становятся проверкой, испытанием для каждого человека, ищущего спасения. Судьба Ермака, Ремезова, самого царя Петра и других персонажей раскрывается через призму посылаемых испытаний. Финальная сцена пир Петра I, на котором происходит публичная казнь главного вора и предателя губернатора Гагарина, также обращает читателя к библейскому сюжету о спасении избранных.

Как видно, образ Ермака в русской литературе, в силу заключающегося в нем созидательного, миростроительного потенциала, сопоставимого с потенциалом «культурного героя», открывающего миру новые возможности, создал условия для активации различных родо-видовых начал в воспроизведении истории и ее героев. Жанровая полипотентность образа Ермака, нащупанная когда-то талантом историка и художника Н. М. Карамзина, определила широкий спектр его воплощений в русской литературе, не совпадающих в частных случаях, но сходящихся в главном — «Ермак взял Сибирь».

В наиболее концентрированном виде полипотентность данного образа проявила себя в поэтике заглавий произведений о Ермаке, в которых, в зависимости от художественных задач автора и его жанровых предпочтений, история о Ермаке Тимофеевиче его дружине предстает не как застывшая история о прошлом, а как живая ткань времени, которую могут примерять на себя сегодняшние и будущие поколения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Большая советская энциклопедия. 2 изд. / гл. ред. Б. А. Введенский. М.: Гос. научное изд-во «БСЭ», 1955. Т. 34. 653 с.
- 2 *Виролайнен М. Н.* Культурный герой Нового времени // Легенды и мифы о Пушкине: сб. ст. / под ред. М. Н. Виролайнен (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН). СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1995. 352 с.
- 3 *Вяткин Г. А.* Сказ о Ермаковом походе / посл.: Еф. Беленький (без страниц). Барнаул: Алтайское книжное изд-во, 1985. 130 с.
- 4 Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / подгот. А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. 2-е изд., доп. М.: Наука, 1977. 487 с.
- 5 *Ершов П. П.* Стихотворения. М.: Сов. Россия, 1989. 224 с.
- 6 *Иванов А. В.* Тобол. Много званых: [роман-пеплум]. М.: АСТ, 2017. 702 с.
- 7 *Иванов А. В.* Тобол. Мало избранных: [роман-пеплум]. М.: АСТ, 2018. 827 с.
- 8 *Карамзин Н. М.* История государства Российского / Изданием книгопродавца Смирдина. СПб.: В тип. вдовы Плюшар с сыном, 1834. Т. IX. 467 с.
- 9 Краткая российская энциклопедия / сост. В. М. Карев. М.: БСЭ ОНИКС 21 век, 2003. Т. 3. 1134 с.
- 10 *Лазареску О. Г.* Фольклорный элемент в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина // Вестник славянских культур. 2016. № 4. С. 135–142.
- 11 *Лазареску О. Г.* Сибирь, Ермак и другие: К вопросу об исторических трансформациях литературных жанров, образов и мотивов // Вестник МГОУ. Серия Русская филология. 2017. № 5. С. 122–130.
- 12 Мифы народов мира: в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1982. Т. 2. 719 с.
- 13 *Рылеев К. Ф.* Сочинения / сост. Г. А. Колосова; вступ. ст. и прим. А. М. Песков. М.: Правда, 1983. 352 с.
- 14 *Свиньин П. П.* Ермак, или Покорение Сибири // *Свиньин П. П.* Шемякин суд, или Последнее междоусобие удельных князей русских. Ермак, или Покорение Сибири. Исторические романы. М.: Фирма «Кронос», 1994. 512 с.
- 15 *Спицын Е. Ю.* Древняя и Средневековая Русь IX–XVII вв.: Полный курс истории России для учителей, преподавателей и студентов. М.: Концептуал, 2016. Кн. 1. 432 с.
- 16 *Хомяков А. С.* Избранное: Лирика. Трагедии. Тула: Приокское книжное изд-во, 2004. 544 с.

© 2021. Olga G. Lazarescu
Moscow, Russia

**“ERMAK TOOK SIBERIA”:
ON GENRE POLYPOTENCY OF AN ARTISTIC IMAGE
IN THE ASPECT OF POETICS OF A TITLE**

Abstract: In Russian literature and folklore, the image of Ermak Timofeevich appeared to be remarkably responsive to all literary genera and many literary genres. A real surge of interest in him seen in modern Russian literature was associated primarily with

the release of the Volume IX of “History of the Russian State” by N. M. Karamzin, under the pen of whom the genre of historical narratives became a kind of “blessing” for subsequent polypotency of this image. By combining in itself two equivalent forces, aspiration to objectivity in narrating historical events and the need to create a multidimensional literary image, the genre of historical narratives aroused the activity of various generic roots in reproduction of a historical figure image, which has determined a wide range of its different incarnations. The genre polypotency of Ermak’s image is informed by his specific traits as the image that comprises world-constructing and lawmaking beginnings, drawing him together with “a cultural hero,” who opens up new opportunities to the world and establishes these opportunities as essentials for further existence. “Taking” of Siberia by Ermak became a prototype for its various genre incarnations. The polypotency of this image manifested itself, in its most concentrated form, in poetics of titles of the works about Ermak.

Keywords: polypotency, artistic image, title, genre, historical narrative, historical song, tragedy, дума, sonnet, poem, сказ, novel.

Information about the author: Olga G. Lazarescu — DSc of Philology, Assistant Professor, Moscow Pedagogical State University, M. Pirogovskaya St., 1/1, 119991 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5178-4456>. E-mail: lazarescu@inbox.ru

Received: April 27, 2020

Date of publication: September 28, 2021

For citation: Lazarescu O. G. “Ermak took Siberia”: on genre polypotency of an artistic image in the aspect of poetics of a title. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2021, vol. 61, pp. 238–251. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-61-238-251>

REFERENCES

- 1 *Bol'shaia sovetskaia entsiklopediia. 2 izd.* [The Great Soviet Encyclopedia. The 2nd edition], chief redacted by B. A. Vvedenskii. Moscow, Gosudarstvennoe nauchnoe izdatel'stvo “BSE” Publ., 1955. Vol. 34. 653 p. (In Russian)
- 2 Virolainen M. N. Kul'turnyi geroi Novogo vremeni [Culture hero of the New epoch]. In: *Legendy i mify o Pushkine: Sbornik statei* [Legends and myths about Pushkin: collection of articles], edited by N. Virolainen (Institut russkoi literatury (Pushkinskii Dom) RAN) [The Institute of Russian Literature (the Pushkin House) RAS]. St. Petersburg, Gumanitarnoe agentstvo “Akademicheskii proekt” Publ., 1995. 352 p. (In Russian)
- 3 Viatkin G. A. *Skaz o Ermakovom pokhode* [The Tale of Ermak’s campaign], afterword by Ef. Belen'kii (bez stranits). Barnaul, Altaiskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1985. 130 p. (In Russian)
- 4 *Drevnie rossiiskie stikhotvoreniia, sobrannye Kirsheiu Danilovym* [Old Russian poems collected by Kirsha Danilov], prepared by A. P. Evgen'eva and B. N. Putilov. 2nd edition, supplemented. Moscow, Nauka Publ., 1977. 487 p. (In Russian)
- 5 Ershov P. P. *Stikhotvoreniia* [Poems]. Moscow, Sovetskaia Rossiia Publ., 1989. 224 p. (In Russian)
- 6 Ivanov A. V. *Tobol. Mnogo zvanykh: [roman-peplum]* [Tobol. The many called: a peplum novel]. Moscow, AST Publ., 2017. 702 p. (In Russian)
- 7 Ivanov A. V. *Tobol. Malo izbrannykh: [roman-peplum]* [Tobol. The few elect: a peplum novel]. Moscow, AST Publ., 2018. 827 p. (In Russian)

- 8 Karamzin N. M. Istorii gosudarstva Rossiiskogo [History of the Russian State], In: *Izhdiveniem knigoprodavtsa Smirdina* [By provision of a bookseller Smirdin]. St. Petersburg, V tipografii vdovy Pliushar s synom Publ., 1834. Vol. IX. 467 p. (In Russian)
- 9 *Kratkaia rossiiskaia entsiklopediia* [Concise Russian encyclopedia], comp. V. M. Karev. Moscow, BSE ONIKS 21 vek Publ., 2003. Vol. 3. 1134 p. (In Russian)
- 10 Lazaresku O. G. Fol'klornyi element v "Istorii gosudarstva Rossiiskogo" N. M. Karamzina [Folkloric element in N. M. Karamzin's "History of the Russian state"]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2016, no 4, pp. 135–142. (In Russian)
- 11 Lazaresku O. G. Sibir', Ermak i drugie: K voprosu ob istoricheskikh transformatsiakh literaturnykh zhanrov, obrazov i motivov [Siberia, Ermak and others: on the issue of historical transformations of literary genres, images, and motifs]. *Vestnik MGOU. Seriiia Russkaia filologiiia* [Russian Philology Series], 2017, no 5, pp. 122–130. (In Russian)
- 12 *Mify narodov mira: v 2 t.* [Myths of the world: in 2 vols.], chief editor by S. A. Tokarev. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1982. Vol. 2. 719 p. (In Russian)
- 13 Ryleev K. F. *Sochineniia* [Works], collected by G. A. Kolosova; introductory article and notes by A. M. Peskov. Moscow, Pravda Publ., 1983. 352 p. (In Russian)
- 14 Svin'in P. P. Ermak, ili Pokorenie Sibiri [Ermak, or the conquest of Siberia]. In: Svin'in P. P. *Shemiakin sud, ili Poslednee mezhdousobie udel'nykh kniazei russkikh. Ermak, ili Pokorenie Sibiri. Istoricheskie romany* [Shemyakin's trial, or the Last feud of Russian princes. Ermak, or the conquest of Siberia. Historical novels]. Moscow, Firma "Kronos" Publ., 1994. 512 p. (In Russian)
- 15 Spitsyn E. Iu. *Drevniaia i Srednevekovaia Rus' IX–XVII vv.: Polnyi kurs istorii Rossii dlia uchitelei, prepodavatelei i studentov* [Ancient and Medieval Russia of the 9–17th centuries: Russian history full course for teachers, academics and students]. Moscow, Kontseptual Publ., 2016. Book 1. 432 p. (In Russian)
- 16 Khomiakov A. S. *Izbrannoe: Lirika. Tragedii* [Favorites: Lyrics. Tragedies]. Tula, Priokskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2004. 544 p. (In Russian)